

СЕН-САНС

Всё просто.
 Листья медленно падали
 На тяжёлую землю.
 Скрипка пела медленно и глухо.
 И казалось, что листья, кружась,
 Заглушают её голос...
 Пела скрипка, была осень...
 А зал молчал.
 Зал сжимал холодные руки
 И прижимал к холодным губам.
 Над чьей-то кроватью висит портрет человека

С тёмными глазами.
 Эти глаза не улыбаются, даже если
 На портрет падают лучи летнего солнца.
 В них – серый дождливый вокзал,
 Какой-то парнишка с гармонью в руке...
 Они ещё поют, что до смерти четыре шага.
 А мать подруги показывала мне похоронку,
 Пришедшую девятого мая 1945 года...
 Эта глупая дрожь пальцев!
 Что же так холодно?!
 А скрипка пела...
 Где-то в дальнем углу
 Плакала женщина.

ЛЮБОВЬ ФЕДОРЕНКО

ВАЛЬС СВЕЧЕЙ

Едва касаясь самого глубинного и сокровенного, тонкий ручеек фортепианных звуков, зародившийся где-то в божественных сферах, осторожно вливается в душу, обволакивая все твоё существо и унося туда, далеко, к месту его собственного зарождения. Медленно и плавно растекается мелодия в пространстве, времени, мыслях, воспоминаниях...

*Когда играют «Лунную сонату»,
 Кометы замедляют свой полёт.
 По кромке ночи, словно по канату,
 Мелодия волшебная плывёт.*

*Тогда поток игривый не резвится,
 И тополь белым пухом не метёт.
 Тогда в полночной мгле ночная птица
 Под сенью многолистной не поёт...*

Две тонкие тени, соединенные руками, вложенными ладошка в ладошку, беззвучно скользят по пустынному ночному коридору. Вот едва скрипнула изношенная половица, вот силуэты, отбитые падающим сквозь огромные окна светом луны, мелькнули на холодной серости покрытых изношенной краской панелей и исчезли за темным высоким прямоугольником двери с ромбом-табличкой «ауд. 405».

Вы не знаете, что такое «аудитория номер 405»? Не знаете? Значит, вы не учились в университетском корпусе на площади Ленина, 10, на кафедре журналистики в самом конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия. Об этой аудитории среди студентов ходили легенды. Туда, прячась от дежурных и вахтеров, тайком пробирались мы вечерами, чтобы послушать живую, настоящую музыку.

Принадлежала аудитория факультету романско-германской филологии. Там, на четвертом этаже, находились лингафонные кабинеты, помогавшие будущим переводчикам в совершенстве овладеть иностранными языками. И мало кто обращал внимание на крохотную, всего в несколько столов, аудиторию в самом конце узкого коридора. Учебной техники в ней не было, стулья стояли разносортные, покосившиеся, и даже вид из окна не притягивал взор.

Зато там была стена. Небольшая, метра полтора-два, глухая стена, упирившаяся в дверной проем. А к ней, как к точке опоры, способной перевернуть мир, было приставлено старенькое черное пианино. И мир переворачивался, уплывал, неся тебя навстречу Вселенной и делая крохотной, но безусловно, значимой её частичкой, как только первые звуки извлекались из чёрных и белых клавиш всеми позабытого инструмента.

Когда чуткие пальцы с осторожностью разведчика впервые коснулись волшебного контраста клавиатуры, пианино откликнулось мягким и чистым голосом. Для двоих это было так неожиданно и так приятно, что радость настоящего открытия переполнила душу. И полилась мелодия...

*Ночь притаилась за окном,
Туман поспорил с дождем,
И беспробудный вечер
О чем-то дальнем, неземном,
О чем-то близком и родном,
Сгорая, плачут свечи...*

Близком и родном... В те далекие годы ближе и роднее человека, чем девчонка по имени Наташка, у меня не было. Не помню, как мы впервые встретились и познакомились, но прекрасно помню, что её темно-серые глаза под бдительной охраной густоющих ресниц, сверху и снизу притенявших завораживающий свет очей, смотрели прямо и бескомпромиссно. Тонкая, по-мальчишески задорно устремленная ввысь фигурка, была полна зрелой женственности и девичьей непорочности одновременно. Очень коротко стриженные волнистые волосы аккуратно обрамляли горделивую головку и мягкими русыми прядями чуть касались изгиба шеи.

Её невозможно было не заметить даже в толпе, невозможно не остановить торопливый взгляд, не полюбоваться и не проникнуться неожиданно родившейся симпатией. Она была нашей однокурсницей. Девочка с божественной внешностью и почти божественной фамилией – Богомолова.

Уже на первом курсе в неё влюбились сразу несколько мальчишек. Первым «пал» светловолосый «маленький принц» из Тамбова Валерка Смолеев. Его изысканные манеры и такая же юношески очаровательная внешность очень «монтировались» с Наташиным обликом. Казалось, они – идеальная пара. Но паре не суждено было сложиться.

Валера изначально держался близко к своему земляку – знатоку творчества Ильфа и Петрова Юре Щербакову. К этим двум интеллектуалам-юмористам вскоре примкнул непоседливый живчик, так и брызжащий зощинковскими цитатами Володя Яцин. Все трое явно симпатизировали Наталье. Она же с детской непосредственностью принимала их расположение, не отдавая никому личного предпочтения.

Но вот на студенческом горизонте объявился Слава. Среднего роста, ладно скроенный брюнет, в обыкновенных, тщательно отутюженных брюках и рубашке, с не застегнутым на верхние пуговицы воротом. Казалось, это для того, чтобы ему удобнее было делать непроизвольные, несколько нервные движения головой – немного вверх и в сторону. Эта манера или особенность была всем заметна, но никем никогда не объяснена. От чего это подергивание? Говорили, что Слава уже учился в прошлом году на первом курсе, но из-за болезни ушел в академотпуск, а вот сейчас вернулся. В пользу этой версии была его дружба с второкурсником-журналистом Сашей Косякиным. Более подробной и к тому же достоверной информации мы не имели.

Правдивцев, а именно такой была фамилия обращавшего на себя внимание юноши, сразу стал ещё одной изюминкой и в то же время загадкой группы. Первыми приобщили его к своему триумvirату наши юмористы. На все университетские годы этот союз стал нерушимым. Возможно, сегодня ребята рассказали бы о себе больше, ответили на многие, пронесённые через годы юности вопросы. Но, увы, далеко не всем им можно задать те вопросы...

*Плачут свечи...
Казалось, плакать им о чем?
Мы, в общем, праведно живем,
Но иногда под вечер
Мы вдруг садимся за рояль,
Снимаем с клавишей вуаль
И зажигаем свечи...*

Вячеслав Правдивцев

Наталия Богомолова

Валерий Смолеев

Владимир Яшин

Людмила Андреева

Сергей Некрасов

Наталья Санина

Этот поэтический образ из вальса Звездинского Правдивцев, мне кажется, превращал в реальность. Магическими движениями тонких пальцев, невесть откуда взявшихся у выходца из пролетарской семьи, он осторожно «снял» невидимую вуаль с фортепианных клавиш и растворялся в музыке. Музыка была его стихией, его Богом, его сущностью, формой существования, его ещё одной загадкой.

Не знаю, где и у кого получал Правдивцев музыкальное образование, но говорили, что самостоятельную, финансово независимую жизнь Славик начал задолго до университета: зарабатывал деньги игрой в ресторане. Пожалуй, оттуда в его репертуар и пришел этот вальс Звездинского – начинающего московского музыканта, выпадавшего в своем творчестве из четких идеологических канонов невозмутимого социализма. Мы называли его «Вальсом свечей».

С прозорливостью истинного мастера на своих импровизированных концертах для однокурсников Слава предварял исполнение любимого нами вальса звуками бетховенской «Лунной сонаты». Включите сегодня, послушайте современные записи песни «Сгорая, плачут свечи» в исполнении Шафутинского или же самого Звездинского. Они действительно начинаются мелодией «Лунной сонаты». С первых нот звучит проникающий в каждую клеточку души голос фортепиано. Его нежно, но уверенно, а потом и сильно, подхватывает скрипичная группа. Мощно, с переходом на едва скрываемую тревогу, взывают к небесам скрипки. На их фоне песенный текст вальса воспринимается почти как реквием:

*И свечи плачут за людей,
То тише плачут, то сильней,
И позабыть волшебных дней
Они не могут, свечи...*

...Волшебными днями для Славика и Натальи стали дни их сумасшедшей любви. Богомоллова жила тогда с нами на съемной квартире, что находилась на Левом берегу. Три девицы – нас двое и филоло-

гиня Люся Кузнецова – душевно сосуществовали на третьем этаже двухкомнатной квартиры панельной новостройки.

Хозяин-алкоголик не докучал присутствием, а появлялся раз в месяц за квартплатой. В дни своего недолгого пребывания он обитал в запирающейся обычно на ключ второй комнате и усиленно разводил тараканов, присваивая каждому из них имя собственное. Мы запомним имен себя не утруждали и с отбытием владельца усердно освобождали квартиру от юрких желто-коричневых поселенцев.

Жить коллективно было удобно. Хозяйство вели вскладчину, общие финансы, по мудрому предложению Наташи, хранили в банке, многозначительно заявляя всем, что у нас деньги в банке. Для этого и банка была заведена специальная. Однако со временем наша Богомоллова все реже приходила к обеду (что обернулось экономией «семейного» бюджета), а чаще появлялась к позднему ужину. О её личной жизни мы не расспрашивали, но безошибочно догадывались, с кем Наталья проводит время после лекций.

Никто из однокурсников не видел их сидящими в обнимку или разгуливающими за ручку по коридорам корпуса. Но о существовании особенных отношений красноречиво говорили их взгляды. Наталья смотрела на Правдивцева глазами человека, читающего его мысли, желания, намерения. Она понимала мотивы его внезапных исчезновений из аудитории или запойных прогулов лекций. Она переживала каждый не сданный им зачет или неотработанный семинар. Переживала так, как переживают за родного человека, боясь его нервного срыва или болезненного переутомления. Ненавязчиво, но настойчиво она опекала своего Правдивцева.

А Славка, будто птица, неожиданно попавшая в плен, с одинаковой силой стремился вырваться из оков наступившего его чувства и одновременно утонуть в нем, пить его огромными, жадными глотками, не уступая никому волшебного сосуда.

Виктор Коньшин

Светлана Целуйко

Сергей Бровашов

Юрий Щербаков

После внезапных исчезновений, длившихся порой по несколько дней, он появлялся в аудитории с выученными диалогами по немецкому языку, подготовленными семинарскими по философии и написанными информациями к практическим по теории жанров. Он не мог приходить на занятия с невыполненным заданием. Внутренний кодекс чести не позволял ему пасть до отстающего в глазах преподавателя. Уж лучше совсем отсутствовать, чем получить «неуд». Ну, а если он, Правдивцев, есть, то во всеоружии знаний. Его ответ обязательно отличался аргументированностью суждений, глубиной мысли, безукоризненностью построения фразы.

Особое отношение у Славки было к Кройчику. Впрочем, как и у самого преподавателя к этому студенту. Заметив незаурядные актерские способности наших юмористов, Лев Ефремович пригласил Володю Ящина в университетский Театр миниатюр, где был режиссёром и автором многих спектаклей.

Вся группа гордилась своим «представительством» в престижном творческом коллективе. А увидев Правдивцева на «Студенческой весне» за фортепиано, услышав его игру, Кройчик предложил ему ампулу аккомпаниатора в театре. Это, как в немом кино: идет сценическое действие, а за кадром – музыкальное сопровождение. Для пианиста – сложная задача, и не каждый за неё берётся. Не зря образ тапёра волновал воображение таких писателей, как Куприн и Чехов, а прототипами их героев стали великие музыканты. И то, что Славка согласился принять рискованное предложение, говорило лишь о том, как любил он фортепиано, как отдавался импровизации, с каким глубоким чувством исполнителя мог донести до слушателей удивительный язык музыки.

*И зажигаем свечи...
Мы вдруг садимся поодаль,
И нам становится чуть жаль:
Не будет больше встречи...*

*Возможно, не было идей,
Как стать тебе ещё родней.
И позабыть волшебных дней
С тобой не будет легче...*

У них была идея, одна на двоих идея большого родства тел и душ. Ещё в студенчестве Правдивцев и Богомолова поженились. В этом браке появился на свет мальчик, с чуть оттопыренными ушками, как две капли воды, похожий на отца, а открытым взглядом темно-серых глаз – на мать. И им не было легко «позабыть волшебные дни» своей юности, так как реальная семейная жизнь, словно чёрные и белые клавиши фортепиано, стала разительным контрастом с тем временем.

Славик и Наташа рано, очень рано и трагически ушли из жизни. Да только ли они! Наша журналистская группа второго набора после выпуска из университета уже в первое десятилетие, которое историки назовут застойным, не досчиталась половины своего состава. Зажглась, заплакала горячим воском поминальная свеча Сережи Некрасова. Он не вернулся с редакционного задания. Потом скорбным светом вспыхнули свечи живчика-весельчака Володи Ящина, бессменного старосты группы Сережи Бровашова, его лучшего друга Вити Коньшина, удивительно светлого парня из журналистской семьи Леши Скопина, интеллектуала-юмориста Юры Щербакова, милой и доброй Людочки Андреевой... Их свет лился туда, где ещё со студенческих лет горела погребальная свеча начинающей поэтессы Вики Биценко. Но память о них не траурным маршем, а «Лунной сонатой» и вальсом свечей остается звучать в моей душе.

*И очень важно для меня,
Что не боится воск огня,
И за тебя, и за меня,
И за тебя, и за меня,
Сгорая, плачут свечи.
Сгорая, плачут свечи...*